

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Шестьдесят третья ночь

Когда же настала шестьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз–Заман говорила: "Знаю, о царь, что Муайкиб управлял казной в халифат Омара ибн аль–Хаттаба, и случилось так, что он увидел сына Омара и дал ему дирхем из государственной казны. "Я дал ему дирхем, – рассказывал он, – и ушел домой, и вот я сижу, и приходит ко мне посланный от Омара. И я испугался и отправился к нему и вдруг вижу тот дирхем у него в руке. "Горе тебе, о Муайкиб, – сказал он мне, я нашел кое–что, касающееся твоей души". – "А что же это, повелитель правоверных?" – спросил я, и он ответил: "В день воскресения ты будешь тягаться за этот дирхем с народом Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует".

Написал Омар Абу–Мусе аль–Ашари [128] письмо такого содержания: "Когда это мое письмо придет к тебе, отдай людям то, что им принадлежит, и доставь мне остальное", – и он это сделал. Когда же стал халифом Осман [129], прибыл к нему с податью. И когда подать сложили перед Османом, пришел его сын и взял оттуда дирхем. И Зияд заплакал, а Осман спросил его: "Почему ты плачешь?" И Зад сказал: "Я доставил Омару то же самое, и когда его сын взял дирхем, Омар велел отнять его у него, а твой сын взял, и я не видел, чтобы ему сказали что–нибудь или отняли у него дирхем". И Осман отвечал: "А где ты встретишь подобного Омару?"

Передавал Зейд ибн Аслам, что его отец говорил: "Однажды ночью шел я с Омаром, и мы подошли к пылающему огню. И Омар сказал мне: "Аслам, я думаю, это путники, измученные холодом. Пойдем к ним". И мы пошли и пришли к этим людям и увидели женщину, которая жгла огонь под котелком, а с ней были плачущие дети. И Омар сказал им: "Мир вам, люди света (он не хотел сказать – "люди огня" [130], что с вами?" – "Нас мучит холод и мрак ночи", – ответила женщина. И Омар спросил: "А что плачут эти дети?" – "От голода", – сказала женщина. "А что это за котел?" – продолжал Омар. "Я их успокаиваю этим, – ответила она, – и поистине Аллах спросит о них Омара ибн аль–Хаттаба в день воскресения". – "А откуда Омару знать о них?" – воскликнул халиф. И женщина отвечала: "Как же он вершит дела людей и пренебрегает ими!"

И Омар обернулся ко мне, – продолжал Аслам, – и сказал: "Пойдем!" – и мы поспешно пошли и пришли к Дому Расхода, и Омар взял куль муки и кувшин жиру и сказал мне: "Взвали это на меня". – "Я понесу за тебя, повелитель правоверных", – ответил я. Но Омар спросил: "А понесешь ты за меня мою тяжесть в день воскресения?"

И я взвалил на него припасы, и мы поспешно пошли и бросили куль возле женщины. А затем Омар взял немного муки и то и дело говорил женщине: "Поддай мне еще". И он раздувал огонь под котлом (а у него была большая борода, и я видел, как дым выходит из просветов в ней), пока похлебка не сварилась, и, взяв кусок жиру, кинул его туда и сказал женщине: "Корми их, а я буду студить кушанье". И они ели до тех пор, пока не наелись досыта, и Омар оставил ей остальную муку и, обращаясь ко мне, сказал: "Аслам, я видел, что они плакали от голода, и мне не хотелось уйти, не выяснив, откуда свет, который я заметил..."

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят четвертая ночь

Когда же настала шестьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз–Заман говорила: "Говорят, что Омар проходил мимо пастуха–невольника и стал у него торговать овцу, но пастух сказал: "Они не мои". – "Ты тот, кого мне нужно!" – вскричал Омар и купил этого пастуха и освободил его и воскликнул: "О боже, так же, как ты даровал мне малое освобождение, даруй мне освобождение величайшее".

Говорят, что Омар ибн аль–Хаттаб кормил слуг молоком, а сам ел грубую пищу, и одевал их в мягкое, а сам носил жесткое. Он давал людям, сколько им следовало, и прибавлял им, одаряя их. Одному человеку он дал четыре тысячи дирхемов и прибавил еще тысячу, и ему сказали: "Не прибавишь ли ты своему сыну, как прибавил этому человеку?" – "Отец этого был тверд в день Охода" [131], – ответил Омар.

Говорил аль–Хасан: "Омару принесли много денег, и к нему пришла Хафса [132] и сказала: "Повелитель правоверных, а где доля твоих родственников?" – "Хафса, – ответил Омар, – Аллах велит не забывать о доле моих родственников, но выдавать ее из денег мусульман, – это нет! О Хафса, ты делаешь угодное твоей родине, но гневишь твоего отца!" И она ушла, волоча подол.

Говорил сын Омара: "В каком–то году я молил господу, чтобы он показал мне моего отца, и, наконец, я увидел его, вытирающим со лба пот. И я спросил его: "Каково тебе, батюшка?" – и он отвечал: "Если бы не милость господу, твой отец наверное бы погиб".

И затем Нузхат–аз–Заман сказала: "Послушай, о счастливый царь, второй отдел первой главы: предание о последователях пророка и других праведниках. Говорил аль–Хасан из Басры: "Не покидает душа человека здешнего мира без того, чтобы не сожалел он о трех вещах: что не пользовался тем, что собрал, не достиг того, на что надеялся, и не заготовил себе много запасов для путешествия, которое он предпринимает".

Спросили Суфьяна: [133] "Может ли быть человек подвижником, когда у него есть имущество?" И он сказал: "Да, если он стоек в испытаниях и благодарит Аллаха, будучи одаряем".

Говорят, что когда к Абд–Аллаху ибн Шеддаду явилась смерть, он призвал своего сына Мухаммеда и стал наставлять его и сказал: "О сын мой, я вижу, что глашатай смерти воззвал ко мне. Тебе надлежит быть богобоязненным, тайно и явно воздавать Аллаху благодарение и быть правдивым в речах: благодарение возвещает о приросте благ, а богобоязненность – лучший запас, как сказал кто–то:

Блаженства я в том, чтобы деньги собрать, не вижу,

И тот лишь блажен, кто верит, страшась Аллаха"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Боязнь Аллаха – лучший запас, по правде.

И кто страшится, тем Аллах прибавит".

Затем Нузхат–аз–Заман сказала: "Да послушает царь рассказы из второго отдела первой главы". – "А что это за рассказы?" – спросили ее. И она сказала: "Когда Омар ибн Абд–аль–Азиз [134] стал халифом, он пришел к своим родным и, взяв то, что у них было, сложил это в казну. Тогда Омейяды устремились к его тетке Фатиме, дочери Мервапа, и та послала сказать ему: "Мне необходимо встретиться с тобою". И она приехала к нему ночью, и Омар помог ей сойти на землю и, когда она уселась, сказал ей: "О тетушка, говорить лучше тебе, так как нужда у тебя. Расскажи же мне, что ты хочешь?" – "О повелитель правоверных, – отвечала она, – тебе более приличествует говорить, и суждение твое обнаруживает скрытые мысли". И сказал тогда Омар ибн Абдаль–Азиз: "Аллах великий послал Мухаммеда как милость одним и наказание другим; потом он избрал для него пребывание близ себя и взял его к себе..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят пятая ночь

Когда же настала шестьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый пары, что Нузхатаз–Заман говорила: "И сказал тогда Омар ибн Абд–аль–Азиз: "Аллах послал Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует! – как милость одним и наказание другим, а затем он избрал для него пребывание подле себя и взял его к себе, и оставил он людям реку, чтобы пить из нее. Потом стал халифом, после него, Абу–Бекр Правдивый [135] и оставил реку такую, как она была, и делал то, что угодно Аллаху. За ним правил Омар и совершал деяния и был усерден усердием, непосильным ни для кого. Но когда стал халифом Осман, он отвел от реки поток, а потом правил Муавия, и он отвел от нее многие потоки, а также отводил их, после него, Язпд и сыны Мервана: Абд–аль–Мелик, аль–Валид и Сулейман, и большая река высохла. И вот власть пришла ко мне, и я хочу сделать реку такую же, как она была".

И Фатима сказала: "Я хотела только с тобой поговорить и побеседовать, но если твои слова таковы, я ничего не сказку тебе". И она вернулась к Омейядам и сказала им: "Вкусите последствия того, что вы сделали, породнившись с Омаром".

Говорят, что когда к Омару ибн Абд–аль–Азизу явилась смерть, он собрал своих детей вокруг себя, и Маслам а ибн Абу–аль–Мелик сказал ему: "О повелитель правоверных, как ты оставляешь своих детей бедняками, когда ты их пастырь? Никто не мешает тебе, пока ты жив, дать им из казны столько, чтобы им было довольно, и так лучше, чем оставить это правителю, следующему за тобой".

И Омар посмотрел на Масламу взором гневного и удивленного и сказал: "О Маслама, я отказывал им в дни нашей жизни, так как же мне быть несчастным из–за них после смерти? Среди моих сыновей одни – мужи, покорные Аллаху великому, и Аллах устроит их дела, другие – ослушники, и я не таков, чтобы помогать им в их ослушании. О Маслама, я присутствовал с тобою при погребении одного из сынов Мервана, и сои отягчил мои глаза близ пего, и я увидел во сне, что он подвергся одному из наказаний Аллаха, великого, славного. И это ужаснуло и устало меня, и я дал обет Аллаху, что не буду поступать, как поступал он, если получу власть. Я был усерден в этом в течение моей жизни и надеюсь, что получу прошение от моего господа.

Говорил Маслама: "Один человек скончался, и я был на его погребении. Когда погребение окончилось, сои отягчил мои глаза, и я увидел, в грезах спящего, покойника в саду, где текут реки, и на нем белые одежды. И он подошел ко мне и сказал: "О Маслама, ради подобного этому пусть действуют действующие!" И вроде этого было сказано многое.

Говорил кто–то из верных людей: "Я доил овец в халифат Омара ибн Абд–аль–Азиза, и однажды мне повстречался пастух, и среди его овец я увидел волка или даже несколько волков. Я подумал, что это собаки (а я раньше не видел волков), и спросил его: "Что ты делаешь с этими собаками?" – "Это не собаки, это волки", – отвечал он.

"А разве волки не вредят скоту?" – спросил я. И пастух ответил: "Если голова в порядке, то и тело в порядке".

Говорил Омар ибн Абд–аль–Азиз проповедь на кафедре из глины, и, прославив Аллаха великого и восхвалив его, он сказал такие слова: "О люди, будьте праведны втайне, чтобы были вы праведны с вашими братьями явно, воздерживайтесь в земных делах и знайте, что нет между человеком и Адамом живого среди мертвых. Умер Абуаль–Мелик и те, кто до него. Умрет Омар и те, кто после него. О повелитель правоверных, не подложит ли тебе подушку, чтобы ты немного оперся на нее?" – сказал ему Маслама. И Омар ответил: "Я боюсь, что она будет грехом на моей шее в день воскресения".

И он издал единый вопль и упал без памяти, и Фатима крикнула: "Эй, Мариам, эй, Музахим, эй, такое–то, посмотрите на этого человека!"

И, подойдя, она стала лить на него воду и плакала, пока он не очнулся от обморока, а очнувшись, он увидел, что женщина плачет, и спросил ее: "Отчего ты плачешь, Фатима?" – "О повелитель правоверных, – отвечала она, – я увидела тебя, повергнутого перед нами, и вспомнила, что ты будешь повергнут после смерти перед Аллахом великим и оставишь этот мир и покинешь нас. Вот почему я плачу". – "Довольно, Фатима, ты превзошла меру! – сказал Омар и поднялся, но опять упал, и Фатима прижала его к себе и воскликнула: "Ты мне За мать и отца, повелитель правоверных! Мы все не смеем говорить с тобой".

Потом Нузхат–аз–Заман сказала своему брату Шарр–Кану и четверем судьям: "Заключение второго отдела первой главы..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят шестая ночь

Когда же настала шестьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз–Заман говорила своему брату ШаррКану, не узнавая его, в присутствии четырех судей и купца "Заключение второго отдела первой главы": "Случилось, что Омар ибн Абд–аль–Азиз написал собравшимся на празднество: "А после славословил: беру в свидетели Аллаха в священный месяц, в священном городе в день великого паломничества [136], что я не виновен в обидах, причиненных вам, и во вражде того, кто вам враждебен, если я сделал это или имел такое намерение, или до меня дошло сведение об этом, или что–либо из этого было мне известно, я надеюсь, что найдется возможность прощения. Но нет от меня разрешения обижать других, ибо я буду спрошен о каждом обиженном. И если правитель среди моих правителей отступит от истины и поступит не по писанию и не по установлениям, не обязаны вы повиноваться ему, пока он не вернется к истине.

Говорил он, – да будет доволен им Аллах: "Я не хотел бы быть освобожденным от смерти, ибо это последнее, за что награждается правоверный".

Говорил кто–то из верных людей: "Я прибыл к повелителю правоверных Омару ибн Абд–аль–Азизу, когда он был халифом, и увидел перед ним двенадцать дирхемов. Он приказал положить их в казну, и я сказал ему: "О повелитель правоверных, ты ввергнул своих детей в нищету и сделал их семьей, у которой ничего нет. Отчего ты не прикажешь выдать что–нибудь им и тем, кто беден из членов твоего дома?" – "Подойди ко мне", – сказал Омар.

И когда я подошел к нему, он молвил: "Твои слова: "ты вверг своих детей в нищету, дай же им что–нибудь и тем, кто беден из людей твоего дома", – неправильны, ибо Аллах мне преемник для моих детей, и для бедных членов моего дома, и он за них поручитель. Они же – мужи, либо страшась Аллаха, – и тем Аллах найдет выход, – либо предавшиеся грехам, а я не стану укреплять их в ослушании Аллаху".

И затем он послал за детьми и призвал их к себе (а их было двенадцать мужчин). И когда он увидел их, из глаз его полились слезы, и он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сказал: "Поистине, ваш отец меж двух дел: либо вы будете богаты и отец ваш войдет в огонь, либо вы обеднеете и ваш отец войдет в рай. Но приятнее вашему отцу войти в рай, чем видеть вас богатыми. Уходите, да храпит вас Аллах; я поручаю ваше дело Аллаху!"

Говорил Халид ибн Сафван: "Правитель Ирака и Йемена Юсуф ибн Омар сопровождал меня к халифу Хишаму ибн Абд-аль-Мелику. И я прибыл к нему, когда он выехал, вместе со своими близкими и слугами и остановился в одном месте. И для него разбили шатер, и когда люди сели по местам, я подошел к халифу со стороны ковра и стал на него смотреть, и мой глаз встретил его глаз, и я сказал: "Да завершит Аллах свою милость к тебе, повелитель правоверных, и да направит дела, на тебя возложенные, по прямому пути, и да не примешает обиды к твоей радости. Я не нахожу для тебя, повелитель правоверных, наставления, более красноречивого, нежели предание о царе, бывшем прежде тебя".

И халиф сел прямо (а он сидел облокотившись) и сказал: "Подай, что у тебя есть, ибн Сафван!"

И тот начал: "О повелитель правоверных, один царь выехал, прежде тебя, в один из предшествующих годов, в эту землю и спросил своих собеседников: "Видели ли вы подобное тому, что есть у меня, и даровано ли комунибудь то же, что даровано мне?" А подле него был переживший других человек из "носителей доказательства, помогающих в истине и шествующих по ее стезе, и он сказал: "О царь, ты спросил о великом деле. Позволишь ли мне ответить?" – "Да", – сказал царь. И человек спросил: "Считаешь ли ты то, что есть у тебя, непреходящим или преходящим?" – "Оно преходяще", ответил царь. "Так почему же ты, как я вижу, восторгаешься тем, чем пользоваться ты будешь недолго, а ответчиком за это будешь долго, и при расчете за это улатишь залогом?" – спросил тот человек. "Куда же бежать и к чему стремиться?" – воскликнул царь. И человек ответил: "Пребывай в твоём царстве и действуй, повинувшись Аллаху великому, или надень рубище и поклоняйся твоему господину, пока не придет твой срок. А когда настанет утро, я явлюсь к тебе. И этот человек, – продолжал Халид ибн Сафван, постучал на заре в дверь царя и видит, что тот сложил с себя венец и снаряжается в странствие, – так подействовало на него наставление праведника. И Хишам ибн Абд-аль-Мелик заплакал горьким плачем, так что омочил себе бороду, и велел спать то, что на нем было, и сидел в своем дворце. И слуги и приближенные пришли к Халиду ибн Сафвану и сказали ему "Так ты поступил с повелителем правоверных! Ты испортил ему наслаждение и смутил ему жизнь".

И затем Нузхат-аз-Заман сказала Шарр-Кану: "А сколько в этой главе наставлений! Поистине, я бессильна привести все, что есть в этой главе, за одну беседу..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала шестьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нузхатаз-Заман говорила Шарр-Кану: "О царь, сколько еще в этой главе наставлений! Поистине, я не в силах привести все, что есть в этой главе за одну беседу. Но с течением дней, о царь времени, будет все хорошо".

И судьи сказали: "О царь, эта девушка – чудо времени и единственная жемчужина века и столетий. Мы не слышали о подобной ей во все времена и за всю нашу жизнь". И они простились с царем и ушли, и тогда ШаррКан обратился к своим слугам и сказал им: "Принимайтесь за устройство свадьбы и тотчас готовьте кушанья всех родов". И они сейчас же исполнили его приказанья и приготовили всякие кушанья, а Шарр-Кан велел женам эмиров, везирей и вельмож царства не уходить и присутствовать при открывании невесты и на свадьбе. И едва настал предвечерний час, как уже разложили скатерть со всеми кушаньями, какие желательны душе и усладительны для глаз – жарким, гусями и курами, и все люди ели, пока не насытились. И всем певицам в Дамаске было приказано прийти, а также старшим невольницам царя, умевшим петь, и все они явились во дворец. И когда пришел вечер и опустился мрак, зажгли свечи от ворот крепости до ворот дворца, справа и слева, и эмиры, везиры и вельможи пошли перед царем Шарр-Каном, а певицы и прислужницы взяли девушку, чтобы украсить ее и одеть, но у видели, что она не нуждается в украшении.

А царь Шарр-Кан вошел в баню и, выйдя оттуда, сел на ложе, и невесту открывали перед ним в семи платьях, а потом с нее сняли одежды и стали учить ее тому, чему учат девушек в ночь, когда их отводят к мужу. И ШаррКан вошел к ней и взял ее невинность, и она понесла от него в тот же час и минуту и сообщила ему об этом. И Шарр-Кан сильно обрадовался и приказал мудрецам записать день зачатия, а утром он сел на престол, и явились вельможи его царства и поздравили его. И Шарр-Кан призвал своего личного писца и повелел ему написать письмо своему родителю, Омару ибн ан-Нуману, о том, что он купил невольницу, умную и образованную, которая объяла все отрасли мудрости и что он пришлет ее в Багдад, чтобы она посетила его брата Дау-аль-Макана и сестру, Нузхат-аз-Заман. Он написал, что освободил девушку и составил свой брачный договор с нею, и вошел к ней, и она понесла от него. И он восхвалил ее ум, а затем он послал привет брату и сестре везира Дандана и прочим эмирам. И он запечатал письмо и отправил его к отцу с гонцом на почтовых. И этот гонец отсутствовал целый месяц, а потом вернулся с ответом и подал его Шарр-Кану.

И Шарр-Кан взял его и прочитал и вдруг видит, – там написано, после имени Аллаха: "Это письмо от растерявшегося и смущенного, который потерял детей и покинул родину, от царя Омара ибн ан-Нумана к сыну ШаррКану. Знай, что после твоего отъезда мне стало тесно на земле, так что я не могу терпеть и не в состоянии хранить тайну. И это потому, что я уехал на охоту и ловлю, а Дау-аль-Макан просился у меня отправиться в аль-Хиджаз, но я убоился превратностей времени и не позволил ему ехать до будущего или следующего за ним года. И когда я уехал на охоту и ловлю, я отсутствовал целый месяц..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала шестьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Омар ибн ан-Нуман говорил в своем письме: "Когда я уехал на охоту и ловлю, я отсутствовал месяц и, возвратившись, увидел, что твой брат и сестра взяли немного денег и тайком отправились с паломниками в паломничество. И когда я узнал об этом, простор сделался для меня тесен и я стал, о дитя мое, ожидать возвращения паломников, надеясь, что, может быть, твой брат и сестра придут с ними. И паломники вернулись, и я спросил о них, но никто ничего не рассказал мне. И я надел одежды печали, заложил свою душу и лишился сна и утопаю в слезах моих очей". И он написал такие стихи:

"Ваш призрак уйти теперь по хочет на миг один,

И в сердце отвел ему я место почетное.

Надеюсь, вернетесь вы – не то я не прожил бы

И мига, и призрак ваш один мне покой несет".

И, между прочим, он написал в своем письме: "Л после привета тебе и тем, кто с тобою, сообщаю тебе, что ты не должен быть небрежен, распытывая новости, – это для нас позорно".

И, прочтя письмо, Шарр-Кан опечалился за своего отца и обрадовался исчезновению сестры и брата, и взял письмо и вошел к своей жене Нузхат-аз-Заман. А он не знал, что это его сестра, и она не знала, что Шарр-Кан ее брат, хотя он все время посещал ее, ночью и днем, пока не прошли полностью ее месяцы.

И она села на седалище родов, и Аллах облегчил ей разрешение, и у нее родилась дочь. И Нузхат-аз-Заман послала за Шарр-Каном и, увидав его, сказала ему: "Вот твоя дочь, назови ее, как хочешь". – "У людей в обычае давать своим детям имя на седьмой день после их рождения", – ответил Шарр-Кан. И затем он нагнулся к своей дочери и поцеловал ее и увидел, что у нее на шее повешена жемчужина из

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

тех трех жемчужин, которые царевна Абриза привезла из земли румов. И когда Шарр-Кан увидел, что эта жемчужина висит на шее его дочери, разум покинул его, и им овладел гнев. Он вперил глаза в жемчужину и хорошо рассмотрел ее, а затем он взглянул на Нузхат-аз-Заман и спросил: "Откуда попала к тебе эта жемчужина, о невольница?"

И, услышав от Шарр-Кана эти слова, Нузхат-аз-Заман воскликнула: "Я твоя госпожа и госпожа всех тех, кто находится во дворце! Я царица, дочь царя, и теперь прекратилось сокрытие, и дело стало явным, и выяснилось, что Нузхат-аз-Заман дочь царя Омара ибн ан-Нумана". И когда Шарр-Кан услышал эти слова, на него напала дрожь, и он опустил голову к земле..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.